

Проблемы социальной философии на пути движения от информационного к дигитальному обществу

Problems of social philosophy on the way from informational to digital society

Горбунова И.М.

Канд. филос. наук, доцент, доцент кафедры социологии, правоведения и работы с персоналом Кубанского государственного технологического университета
e-mail: chi_gor5@bk.ru

Gorbunova I.M.

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Department of Sociology, Law and Human Resources, Kuban State Technological University
e-mail: chi_gor5@bk.ru

Аннотация

В статье рассмотрены основные положения монографии «Информационная эпоха: экономика, общество и культура» известного американского социолога Мануэля Кастельса. Автор рассмотрел определяющий фактор современных цивилизационных процессов – информационные технологии и их динамику, а также влияние на все сферы жизни социума.

Ключевые слова: информационализм, глобализация, сетевое общество, информационный капитализм, цифровизация.

Abstract

The article discusses the main provisions of the monograph "The Information age: economy, society and culture" by the famous American sociologist Manuel Castels. The author considered the defining factor of modern civilizational processes-information technologies and their dynamics, as well as their impact on all spheres of social life.

Keywords: informationalism, globalization, network society, information capitalism, digitalization.

Первым социологом информационной эпохи, осуществившим глубокий и обоснованный анализ компьютеризированного мира с его противоречиями, сложностями и перспективами, по мнению всех исследователей его творчества (как на Западе, так и в России), выступил американский социолог Мануэль Кастельс. В своей знаменитой фундаментальной трехтомной монографии «Информационная эпоха: экономика, общество и культура» (Information Age: Economy, Society and Culture, Vol.1-3. Oxford: Blackwell Publishers, 1996-1998) [1] он указал на такой определяющий фактор современных цивилизационных процессов, как информационные технологии и проследил их динамику от взрывного развития до тотального влияния на все сферы жизни социума. Итогом его анализа стала не имеющая аналогов масштабная попытка описания и структурирования современного социального мира, увенчавшаяся созданием цельной теории, позволившей осмыслить колоссальные экономические и социальные последствия воздействия революции в информационных технологиях на все виды человеческой жизнедеятельности.

Параллельно с деятельностью в Калифорнийском университете (Беркли) М.Кастельс несколько лет был директором Института социологии новых технологий (в Испании), руководил Институтом исследований стран западной Европы при Калифорнийском университете, в качестве приглашенного профессора читал лекции в университетах многих стран мира, руководил группой экспертов, приглашенных в Россию правительством РФ, занимающихся проблемами реформирования страны (в 1992 г.) Этими и многими другими видами его дея-

тельности были обусловлены его эрудиция и глубина теоретических рассуждений о специфике современных социальных и экономических процессах.

М. Кастельс обогатил социологию такими понятиями, как «информационализм», «информациональный капитализм», «информациональная экономика», «информациональное общество», «сетевое общество» и мн.др. В упомянутой монографии он утверждает, что сегодня мир все еще является капиталистическим, так как: капитализм сохранил свои формообразующие особенности – наемный труд и конкуренцию с накоплением капитала и показал свои креативные возможности, прежде всего, в том, что к концу второго тысячелетия сложился «омоложенный» информационный капитализм, который менее чем за десятилетие расцвел во всем мире. Его основой является новый способ производства – информационный, или новый способ развития.

Специфическим для информационного способа развития элементом является воздействие знания на само знание как главный источник производительности. Социолог подчеркивает, что в новом информационном способе развития источник производительности заключается в технологиях генерирования знания, обработки информации и символической коммуникации.

В своей книге Кастельс показывает, как повсеместно осуществляется фундаментальная «перестройка» капиталистической системы (вследствие революции в технологии) или реструктуризация капитализма, начавшаяся с 80-х гг. 20 в., продолжившаяся и имевшая своим итогом создание новой техноэкономической системы, названной Кастельсом информационным капитализмом. Социолог считает, что прежняя модель капиталистического роста, принеся беспрецедентное экономическое процветание и социальную стабильность в течение почти трех десятилетий после Второй мировой войны в большинстве рыночных экономик, начала испытывать кризис уже с 70-х гг. 20 в. Это потребовало серии реформ, нацеленных на четыре главные задачи:

- 1) углубление логики стремления к прибыли (между капиталом и трудом);
- 2) повышение производительности труда и капитала;
- 3) глобализация производства, распределения и рынков (для получения прибыли повсюду);
- 4) сосредоточение государственной поддержки на повышении производительности труда и конкурентоспособности национальных экономик [2].

Главную роль в обеспечении скорости и эффективности реструктуризации сыграли технологические инновации и организационные изменения (сосредоточенные на гибкости и приспособляемости). Главным итогом развития стали новые информационные технологии.

Таким образом, информационализм с самого начала был связан с экспансией и обновлением капитала. Реструктуризация капитализма и распространение информационализма в глобальном масштабе были нераздельным процессом (хотя и шли по-разному в разных странах).

Общество и экономика в итоге трансформировались в информационные повсеместно.

Информациональная экономика является глобальной. Глобальность присутствует во всех основных процессах и элементах экономической системы. Процесс глобализации влияет на:

- 1) рост производительности;
- 2) на управление капиталом (что впервые в истории осуществляется непрерывно на глобальных финансовых рынках, работающих в режиме реального времени (где каждую секунду в электронном режиме по всему миру осуществляются сделки на миллиарды долларов);
- 3) на то, что потоки капиталов становятся глобальными и все более независимыми от функционирования отдельной экономики;
- 4) на транспортные и коммуникационные технологии (относительно информации, людей, товаров и услуг), что привело к возможности глобализации рынков в конце 20 в. и мн. др.

Социолог делает вывод, что именно на основе новой связи между технологией и производительностью (а точнее, между информационными технологиями, организационными из-

менениями и ростом производительности) и была сформирована глобальная экономика, которая является основной характеристикой и самой важной чертой информационного капитализма.

Информационная / глобальная экономика основывается на информационно-технологической парадигме (Кастельс часто называет ее «социотехнической»), которая выступает также и фундаментом всей новой социальной системы. По сути это пять основных свойств-инноваций, на которых базируется экономическая и социальная жизнь:

1) так как в этом новом обществе информация рассматривается как сырье, следовательно существуют технологии, которые воздействуют на информацию;

2) так как информация это интегральная часть всякой человеческой деятельности, то все процессы существования (как индивидуального, так и коллективного) формируются новым технологическим способом (т.е. технологии всеохватны и имеют повсеместное влияние);

3) любая система или совокупность отношений, использующая новые информационные технологии, обладает сетевой логикой (т.е. сетевая логика способна структурировать неструктурированное, а морфология сети хорошо приспособлена к растущей сложности взаимодействий и непредсказуемым моделям развития, которые могут возникнуть из творческой мощи таких взаимодействий (т.е. это интерактивная логика), что позволяет воздействовать на множество процессов и организаций);

4) гибкость, т.е. способность (новых технологий) к модификации или даже фундаментальным изменениям с помощью перепрограммирования или перегруппировки компонентов. Другими словами, новые технологии, постоянно видоизменяясь и адаптируясь, способны изменять организации и институты, не разрушая их, а изменяя конфигурацию. Способность к реконфигурации – решающая черта в обществе постоянных изменений и организационной текучести;

5) растущая конвергентность технологий в высокоинтегрированной системе (т.е. размывание дифференциаций растущей интеграцией, например, в информационных сетях интегрированы микроэлектроника, телекоммуникации, оптическая электроника и компьютеры). Технологическая конвергенция, глубокая технологическая трансформация ведет к трансформации категорий, в которых мы осмысливаем все процессы [3].

Как считает Кастельс, глобальная / информационная экономика разделена (дифференцирована) на регионы (Северная Америка, Европейский союз и Азиатско-Тихоокеанский регион), каждый из которых имеет свою специфику, это социолог называет системной характеристикой этой экономики. Кроме того, эта экономика функционирует в рамках «новейшего международного разделения труда» (термин введен Кастельсом), а значит она глубоко асимметрична, т.е. не является единой. Но она работает как взаимозависимая система, одним из объединяющих факторов которой являются структурные изменения в производственной системе и самой природе и характере труда по всей планете. Повсеместно произошли:

1) переход от массового производства к гибкому производству;

2) формирование и развитие глобальных (деловых) сетей, пересекающих границы, как новых организационных структур и форм информационной экономики;

3) именно сети, а не фирмы стали реальными производственными единицами, именно в сетях возникла новая организационная форма – сетевое предприятие, господствующая ныне форма деловой организации, вследствие своей способности генерировать знания, обрабатывать информацию, легко адаптироваться к изменениям, а значит быть максимально результативным;

4) как следствие этого, трансформация труда и занятости, его технологическая и управленческая трансформация, влияние информационного производственного процесса на трудовой процесс.

Кастельс обратил внимание на то, что основные задачи в информационном трудовом процессе сегодня решают новые работники, среди которых особо выделил такие категории, как:

– сетевики-универсалы, которые прокладывают курс сетевого предприятия (networkers);

- сетевики-операторы, которые работают, но не решают когда, как, почему и т.п. (networked);
- внесетевые работники (выполняют задачи в рамках неинтерактивных односторонних инструкций).

Или в другой типологии (по способности вносить свой вклад в принятие решений):

- субъекты принятия решений;
- участники, которые включены в процесс принятия решений;
- исполнители, которые исполняют решения.

Эти синтетические, как считает социолог, представления о главных позициях в информационном трудовом процессе, дополняемые типологией работников, участвующих в создании стоимости:

- командиры (осуществляют планирование и принятие стратегических решений);
- исследователи (создают инновации в продуктах и процессах);
- дизайнеры (осуществляют приспособление, нацеливание инноваций и упаковку);
- интеграторы (управляют отношениями между решениями, инновациями, дизайном и исполнением, принимая в расчет средства, доступные организации).

Таковы типологии, позволяющие осуществить измерения новейшего разделения труда в информационной парадигме. Кастельс делает вывод, что сама природа информационного трудового процесса требует сотрудничества, командной работы, автономии и ответственности работников, взаимодействия между работниками и менеджментом и новой системы управления. Процесс труда находится в сердцевине социальной структуры и влияет на социальную поляризацию в информационном и сетевом обществе, его постоянную трансформацию [4].

Кастельс считает, что сетевое общество радикально изменило культуру. Новая культура не является культурой в традиционном смысле. И не является она единой для всего общества. Множественность и разнообразие сетей отвергает такую единую «сетевую культуру». Не есть она и совокупность институтов. Существует общий культурный код в разнообразных устройствах сетевого предприятия, и он составлен из многих культур, ценностей, проектов, которые дают сведения для выработки стратегий различных участников сетей. Этот код постоянно меняется. Кастельс пишет: «это действительно культура, но культура эфемерного», культура каждого стратегического решения, скорее лоскутное одеяло, сшитое из опыта и интересов. Это многоликая виртуальная культура. Но это и не фантазия, а действенная сила, которая дает информацию для властных экономических решений и осуществляет их. Но живет она недолго. Эта культура «созидательного разрушения» есть дух информатизма, считает социолог. «Все проявления культуры, от худших до лучших, от самых элитных до самых популярных, соединяются в цифровой вселенной мультимедиа, которая связывает в гигантском историческом супертексте прошлое, настоящее и будущее. Они строят новую символическую среду и делают виртуальность нашей реальностью».

Кастельс называет эту культуру «культурой реальной виртуальности». Чем же отличается, что представляет собой новая коммуникационная система, которая создает реальную виртуальность? «Это система, в которой сама реальность (т.е. материальное/символическое существование людей) полностью схвачена, полностью погружена в виртуальные образы, в выдуманный мир, мир, в котором внешние отображения находятся не просто на экране, через который передается опыт, но сами становятся опытом». Кастельс называет Интернет многоузловой, горизонтальной сетью коммуникаций и подчеркивает, что это новая историческая среда, а распространение сообщений в этой системе есть решающее событие в культурной борьбе за новое общество. То, «кто взаимодействует и кто включает во взаимодействие в новой системе и определит в основном систему господства и процессы освобождения в информационном обществе». Материальным фундаментом новой культуры социолог называет пространство потоков и вневременное время. По Кастельсу, современное общество построено вокруг потоков: капитала, информации, технологий, организационного взаимо-

действия, изображений, звуков и символов. Потоки это один из элементов социальной организации.

Кастельс утверждает, что вневременное время – это доминантная форма времени, встроенная в структуру сетевого общества, где происходит «пространственно-временное сжатие», очевидное на глобальном уровне: рынок капитала работает в реальном времени, капитал не только сжимает время, но и вбирает его в себя. В культуре виртуальной реальности время преобразуется как в одновременность, так и вневременность (моментальное распространение информации по всему земному шару и временной коллаж (или вневременность мультимедийного гипертекста, которую социолог называет «определяющей чертой нашей культуры»)).

Кастельс считает, что информациональный капитализм, ставший глобальным, не существует без сопротивления ему в обществе, проявляющемуся в форме новых оппозиционных общественных движений, но он укрепляется сегодня как все более обширная сеть.

Каждый способ развития имеет также структурно детерминированный принцип функционирования, вокруг которого организованы технологические процессы: индустриализм ориентирован на экономический рост, т.е. на максимизацию выпуска, информационализм ориентирован на технологическое развитие, т.е. на накопление знаний и более высокие уровни сложности в обработке информации. Именно погоня за знаниями и информацией характеризует технологическую производственную функцию при информационализме.

Предсказания М. Кастельса оказались пророческими: современный социальный мир вступил в эпоху цифровизации, где основу экономических процессов составляют информация и знания. Иными словами, фундаментом общества становится цифровая экономика, развитие которой имеет объективный и неизбежный характер. Непрерывно формирующиеся, накапливаемые, усложняющиеся, хранимые, передаваемые и используемые знания и информация из когнитивных ресурсов превращаются в интеллектуальный капитал общества, который теперь способен обеспечивать колоссальные прибыли.

Цифровая экономика, все более ощутимо становящаяся определяющим фактором социальной динамики и феноменом глобального масштаба выступает, однако, теоретически неотрефлексированным явлением.

На сегодняшний день одной из основных, если не основной проблемой цифровизации мировой экономики является наличие различных степеней экономического развития стран, а следовательно, степени доступности для них цифровых технологий. В мировом сообществе это определяется с помощью двух индексов: индекса развития информационно-коммуникационных технологий (ICT Development Index) и индекса цифровой эволюции (Digital Evolution Index). И если первый отражает уровень развития цифровой инфраструктуры и ее доступность для населения, то второй оценивает готовность к цифровой экономике (на основе анализа детерминирующих эту эволюцию факторов (названными драйверами эволюции)). Важное место в анализе отводится оценке конкурентоспособности цифровой экономики той или иной страны. Здесь учитывается: а) текущее состояние цифровизации страны и б) темпы роста цифровизации в данной стране. На основе анализа была дана такая типология стран (по состоянию на 2017 г.) как страны-лидеры, замедляющиеся страны (по темпам роста цифровизации), перспективные страны (к которым была отнесена Россия, которая хотя и характеризовалась невысоким уровнем развития цифровых технологий, но отличалась высокими темпами их роста) и, наконец, выделялась категория отстающих стран (и по текущему состоянию цифровизации, и по темпам ее развития).

Современная российская социология и отечественные социологи призваны (в синергии с экономистами России) концептуализировать и постоянно заниматься разработкой сетки новых понятий, важнейшими среди которых являются «цифровизация», «цифровая экономика», «цифровое общество» и др., пропорционально масштабам и интенсивности глобального влияния этих сложнейших социальных феноменов в 21 в. (так, например, предположительно объем цифровой экономики уже к 2025 г. может достигнуть 24,3% мирового ВВП, что составляет 23 трлн долл.).

Несмотря на фактическое достаточно длительное влияние цифровизации на все социальные процессы в стране, точкой отсчета цифрового поворота, видимо, следует считать два основополагающих документа: Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 гг.» и национальную программу «Цифровая экономика Российской Федерации», принятую 4 июня 2019 г. и декларирующую порядок развития цифровой экономики России, давших толчок развитию и поискам способов и механизмов, обеспечивающих переход к дигитальному обществу на основе цифровой экономики. Эти реальные процессы повлекли за собой и обусловили дискуссии по поводу понятия «цифровая экономика», которые не привели, однако, к общепринятому мнению. Дискуссии велись по вопросам «является ли цифровая экономика некой новой экономической формацией», «можно ли считать цифровую экономику особой экономической деятельностью», «можно ли называть цифровую экономику экономикой повсеместного использования информационных технологий», «является ли цифровая экономика качественно новым экономическим укладом» и т.д. В любом случае, очевидно, что цифровая экономика тесно связана и возможна только на основе собственных цифровых технологий: большие данные, облачные технологии, когнитивные технологии, интернет вещей, а также виртуальные валюты.

Суммируя сказанное, можно предположить, что дигитальное общество, базирующееся на цифровой экономике, – это тип общества, возникающий на новом, точнее, новейшем этапе развития современного капитализма («информационного» по Кастельсу, а ныне «цифрового»), обладающий специфической культурой и иммерсионной ментальностью (определение мое).

Каковы же социальные последствия в обществе, функционирующем в условиях цифровизации общественной жизни. В «Заключении» своей монографии, которое имеет название «Осмысливая наш мир», М. Кастельс констатировал, что «обещанием информационной эпохи является освобождение беспрецедентной производительной возможности силой разума» [1, с. 513], но при этом фиксировал такое препятствие для реализации этого обещания, как «...экстраординарный разрыв между нашей технологической переразвитостью и нашей социальной недоразвитостью» [1, с. 513]. Говоря же о результатах и последствиях самой мощной технологической революции в истории, социолог высказывал сомнения в том, что 21 в. принесет большинству людей обещанных этой революцией щедрот и считал, что этот век «...может быть охарактеризован как информационная неразбериха» [1, с. 511]. Проецируя рассуждения исследователя на сегодняшнюю социальную действительность и памятуя о том, что процесс цифровизации осуществляется в условиях капитализма, пусть и суперновойшего, социологи (равно как и экономисты) не могут не назвать ряд негативных социальных последствий этого процесса, таких как «цифровое неравенство», как в возможностях доступа к цифровым технологиям, так и в возможности участвовать в современном производстве вообще, ибо владельцы капитала и нанимаемые работники не равны по определению. Следующим негативным последствием, обусловленным нарастанием урбанизации, является безработица, так как именно в городах и прежде всего в мегаполисах осуществляется глобальная экономика. Мегаполисы связаны между собой информационными (и цифровыми) сетями, в них концентрируется власть в мире и при этом города (мегаполисы) выступают местами сосредоточения тех слоев и групп населения, которые вдруг оказываются «структурно ненужными», но стремящимися вписаться в происходящие социальные процессы хотя бы с помощью гарантированной работы. Но в условиях цифровизации и даже роботизации, а значит сокращения объемов рутинных процессов (или неквалифицированного труда) в современном производстве это часто оказывается невозможным. Безработица, обусловленная цифровизацией, выступает явным и ощутимым негативным последствием этого процесса, который будет сопровождать рост количества мегаполисов в мире и размеров уже существующих. Это обусловлено тем, что крупные города выступают узлами глобальных сетей, центрами всех инноваций и глобального технологического и экономического динамизма.

Наряду с явной безработицей следующее негативное последствие не представляется ярко выраженным, хотя тоже становится все ощутимее. Это явление увеличения масштабов и количественный рост слоя людей с весьма неустойчивым социальным положением, т.е. социально неустроенных и незащищенных людей, прежде всего из-за нестабильного дохода (или депрофессионализации), т.е. группа временно трудоустроенных (или частично занятых). И хотя принято считать, что такой работник более свободен в выборе того, как, когда и где работать, использовать свои способности и т.д., такой неопределенный статус работника «развязывает руки» работодателю: ничего не гарантируя, максимально эксплуатировать. Это явление получило определение «прекаризация труда» (или нестабильность труда).

Представляется, что одним из наиболее важных негативных социальных последствий, пока достаточно мало изученным, выступает изменение когнитивных процессов человека под воздействием информационных (и цифровых) технологий, получивших название иммерсионных. Человек оказывается вынужденным быть «погруженным» в самые разнообразные потоки, которые могут быть никак не упорядоченными, разрозненными и действующими случайным образом. Кроме того, предполагается «переход на другое» в любой момент (по ссылкам) и многократно, что делает процесс познания прерывным («рваным»), неупорядоченным, а значит не формирующим цельное представление о чем-либо и не обеспечивающим понимания. Да часто в нем и нет необходимости. Непрерывное воздействие новых технологий на интеллект (которые тоже позиционируются как интеллектуальные) испытывают его на прочность и трансформируют требования, предъявляемые к нему, в соответствии с которыми его роль низводится зачастую до уровня «полезного» и достаточно функционального инструмента деятельности, не более. Одновременно меняется статус электронного устройства, с помощью которого осуществляется эта деятельность, из инструмента (электронного медиума) он трансформируется в социального актора. Такой процесс познания основывается на инновационной методологии познания / действия, результатом которой должно явиться некое «понимающее умение» (понимающее ли?) с акцентом на умении. Некий новый вариант инструментализма, устраняющий стремление к пониманию, но способный противостоять неопределенности с помощью продуцирования все новых технологий на основе самого совершенного в истории инструментария, дополненный деятельным прогнозированием. Сегодня эта методология познания также дополняется методологией, получившей название «гибридной», включающей набор разнообразных моделей, алгоритмов и методов изучения процессов, происходящих в сложных социальных системах, даже при условии отсутствия необходимого объема информации, если невозможно применение классических моделей исследования или процессы ненаблюдаемы и т.п. Считается, что и в этих условиях познание возможно и осуществимо, а его результаты можно учитывать.

Подводя итог, можно констатировать, что в 21 в. все социальные науки и социология в частности вынуждены развиваться в новой, цифровой среде, и, следовательно, должны «пропустить через себя» весь массив накопленного знания и стремиться соответствовать новым требованиям, предъявляемым к современным наукам, но это отнюдь не означает, что социология должна становиться «большой» за счет расширения пространства данных, т.е. исчезать в процессе цифровизации под тяжестью «больших данных» (Big Data) или срачиваясь с программированием, статистикой, математикой. Социология 21 в. просто не имеет права, увлекшись быстрыми темпами развития и возможностями цифровых технологий, утратить свое предметное поле, качественные методы исследования под напором количественных методов, стандартов, программ, форматов и т.д., останавливающих, схематизирующих и омертвляющих живую социальную жизнь. Разумеется, нынешние социологи должны знать о современных цифровых технологиях и уметь работать в команде с «цифровиками»-профессионалами, руководствуясь в своей деятельности принципами этики (традиционной и новой, космополитической). На то, что движение социума к новому (цифровому) будущему будет успешным, позволяет надеяться и такой факт: в России (с 2018 г.) образовано Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций, которое не только занимается выработкой государственной политики и нормативно-правовым регулированием в сфере

информационных технологий в процессе формирования государственных информационных ресурсов, но и является федеральным координатором технопарков в России, – полигонов для создания всех форм инновационной культуры и бизнеса.

Литература

1. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура. – Москва: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.
2. *Асалиев А.М.* Формирование профессиональных компетенций работников под потребности цифровой экономики // Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. – № 6. – 2018. – С. 67–76.
3. *Абдикеев Н.М., Богачев Ю.С., Октябрьский А.М.* Сетевые организационные структуры производства высокотехнологической продукции как инструмент технологического прорыва в России // Экономическая наука современной России. – № 3(86). – С. 91–101.
4. *Данилина Я.В., Рыбачук М.А.* Системные эффекты и риски цифровой экономики с позиций системной экономической теории // Экономическая наука современной России. – № 3(86). – 2019. – С. 119–139.